

Иманлы Асиф Абдулага оглу

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ПОЛОЖЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА
(на основе трудов Джона Белла и Иоганна Густава Гербера)**

Первая треть XVIII века считается периодом глубокого упадка в истории Азербайджана, чем и объясняется относительная малоизученность экономического положения страны того времени. Вместе с тем, указанный период оставил значительный след в последующем развитии Азербайджана и это вызывает необходимость в более основательном его исследовании, в частности и социально-экономического положения страны. Поэтому в предлагаемой статье вниманию читателей и представляются некоторые сведения, затрагивающие данный аспект азербайджанской истории первой трети XVIII века.

Несмотря на то что Азербайджан в первой половине XVIII века не был независимым в политическом отношении, во многих государствах Востока и Запада он был известен как богатая страна. Торговые пути мирового значения, проходившие через территорию Азербайджана, значительно повышали его роль в международной торговле. Это доказывает и посещение азербайджанских городов купцами из самых разных стран, в том числе из России, Англии, Франции, Германии, Польши, Голландии, Швеции, Индии, Ирана и Турции.

Использование в статье преимущественно книги “Путешествия” Джона Белла и трудов Иоганна Густава Гербера позволяет получить более полное представление об экономическом положении Азербайджана того периода.

Между тем почти у всех источников наблюдается общность в изложении того, что в конце XVII – начале XVIII века страны, входящие в состав Сефевидского государства, в том числе и Азербайджан, переживали экономический кризис. Несмотря на то что ростовщичество запрещено шариатом, в государстве Сефевидов были широко распространены его легальные и нелегальные формы. Поскольку запретительные меры шариата не

касались немусульман, ростовщицеством занимались армяне, евреи и индийцы.

Одним из факторов, серьезно осложнявших экономическую ситуацию в стране, были эпидемии различных заболеваний. Так, вследствие эпидемии чумы в 1716–1717 годах в Шамахе и ее окрестностях умерли 70 тысяч человек [Лавров 1984, 67–70].

В источниках содержится много сведений о неоднократном повышении цен из-за нехватки продовольствия в Азербайджане. Корнелий де Брюин отмечал, что в Ширване 2–3 года не было дождей и все товары значительно подорожали. Если раньше за хлеб платили 2 сола, то теперь – 10 сол. Аналогично выросла цена и на остальные продукты [Корнелий де Брюин 2009, 42].

Подорожание продовольственных товаров происходило не только из-за засухи. Оно было связано с общим упадком экономики. Как пишет историк М. Х. Гейдаров, усилившаяся феодальная эксплуатация становилась причиной бегства крестьян из своих земель, что, в свою очередь, приводило к уничтожению посевов и животноводства [Гейдаров 1999, 38].

В условиях ослабления центральной власти население страдало и от бесчинств разбойничьих отрядов. Дж. Белл писал, что посольство Артемия Волынского, находясь у горы Бешбармаг, получило известие о разграблении некоторых местных селений. Это известие так испугало представителей посольства, что им пришлось срочно вооружить весь его состав, включая моряков [Белл 1776, 48].

С целью пополнения опустевшей казны шах издал указ о переписи населения и увеличении налогов. По этому поводу Есаи Гасан Джалал писал, что в десятый год своего правления шах Султан Гусейн приказал провести перепись населения и шахские сановники – люди, верные власти, писари, отправились в путь “для правдивой и ничего не утаивающей регистрации всех подданных, от 15 лет и выше”. Кроме того, шах издал и указ, согласно которому в случае предоставления представителям властей информации об укрывшемся лице голова скрывающегося достанется шаху, а имущество – нашедшему его [Джалалян 1989, 18].

По завершении переписи было приказано втрое увеличить налоги и в новом формате ввести подушный налог за предыдущие три года [Корнелий де Брюин 2009, 19]. Вводился и ряд новых

налогов – *абикуран, шахзаде и ихраджат, шеш динар* [Корнелий де Брюин 2009, 20]. Абикуран взимался с тех, кто не смог участвовать в прокладке водного канала. Шахзаде и ихраджат взимался для удовлетворения расходов принцев, а шеш динар возлагался на немусульман [Мамедов 2002, 180].

Усиление феодальной эксплуатации приводило к протестным выступлениям широких народных масс. В 1707 году восстали Джарские джамааты. Причем джарцы поднялись на борьбу вовсе не из-за тяжести налогового бремени. Дело в том, что на Джарских джамаатах лежала функция защиты границ Сефевидского государства, для чего им выдавали из шахской казны определенную сумму денег. Однако вследствие ослабления центральной власти и усиления произвола местных правителей джарцы не могли получить отведенные для них средства. Поэтому они подняли восстание и стали нападать на близлежащие города и селения. Карательные отряды шаха с большим трудом подавили восстание [Мамедов 2002, 181].

Помимо того что городское население, особенно ремесленники и купцы, выплачивало тяжелые налоги, оно подвергалось еще и разграблению со стороны шахских войск. Корнелий де Брюин, побывавший в Шамахе в самом начале XVIII века, писал, что располагавшиеся здесь войсковые части из-за невыплаты им жалованья обеспечивали свое проживание за счет грабежа местного населения [Корнелий де Брюин 2009, 50]. Источники сообщают, что с населения Апшеронского полуострова только за нефть взимался в казну налог на сумму 150 тысяч эюк (эюк – старинное название французских золотых и серебряных денег) [Донесения...].

Волнения и мятежи, происходившие в Сефевидском государстве, еще больше осложняли положение городского населения. После того как в 1721 году мятежники во главе с Гаджи Давудом заняли и разграбили Шамаху, местное ремесло и торговля пришли в длительный упадок.

Однако несмотря на то, что переживаемый Сефевидским государством кризис, мятежи и волнения, военное вмешательство зарубежных государств – Российской и Османской империй – наносили тяжкий удар по экономике страны, природные богатства Азербайджана, его благоприятное географическое расположение

на стыке Европы и Азии способствовали развитию торговли даже в столь сложный период.

Экономическую базу городов страны составляли ремесло и торговля. Ремесленники в основном обеспечивали потребности внутреннего рынка.

Как и в других странах Ближнего и Среднего Востока, в Азербайджане торговля также велась преимущественно в городах. Отдельные города благодаря своему благоприятному расположению и производимой продукции играли значительную роль как во внутренней, так и во внешней торговле.

Караванные пути пролегли через те или иные города Азербайджана в нескольких направлениях. Для проживания иностранных купцов в городах существовали караван-сарай, многие из которых были очень крупными. Как пишет Дж. Белл, в одном из посещенных им караван-сараяв пребывало 500 человек. Караван-сарай охранялись стражниками, а потому считались безопасным местом. Один караван-сарай от другого разделяло расстояние в один день. В центре караван-сарая располагался двор, а по краям – комнаты [Белл 1776, 52]. Дж. Белл рассказывает о лично увиденном им караван-сараяе, построенном при шахе Сефи на пути из Тебриза в Исфahan и способном вместить до тысячи человек [Белл 1776, 52]. Многие города Азербайджана, особенно Дербенд, Шамаха, Тебриз, Гянджа, Баку, Ардебиль и другие, являлись узловыми пунктами на караванных путях.

Рассказывая о Дербенде, Дж. Белл подчеркивает, что это – укрепленный город. “Укреплен он по старинному крепкою, из тесаных камней стеною, которая простирается с верха горы до самого берега; так что никакая армия не может тут пройти” [Белл 1776, 43].

Среди городов Азербайджана наиболее благоприятные позиции занимал Баку. Он привлекал купцов как по причине своего расположения на караванных путях, так и из-за того, что являлся самым крупным портом на Каспии.

И. Гербер пишет, что магалы Мюшкюр, Ниязабад, Рустов и Бармак находились в подчинении у султана Дербенда [Гербер 1760, 201–202]. По мнению же Т. Т. Мустафазаде, эти четыре магала подчинялись Ширванскому беглярбекству, и только в условиях войны правители магалов вместе со своими воинами

должны были присоединиться к войску дербендского султана [Мустафазаде 1993, 129].

Среди многочисленных сведений о положении Дербенда в тот период, приводимых И. Гербером, есть и сведения о существовавшей здесь системе управления. Из них следует, что османы в конце XVI века – в период правления султана Мурада – заняли Дербенд и опустошили прилегающую к морю, населенную греками, нижнюю часть города. Спустя некоторое время сефевидский правитель шах Аббас I вывел из города жителей-суннитов и разместил здесь мощный гарнизон, состоявший из гызылбашей [Гербер 1760, 199–200].

Согласно И. Герберу, вокруг города находились “изрядные сады, а особливо превосходные винограды, каких лучше нигде не сыщется, но винограда водить, ниже вина хорошо из него приуготовлят не знают” [Гербер 1760, 200].

Байер, подготовивший русское издание труда Гербера, пишет, что в немецком переводе этого сочинения он столкнулся с заметкой о том, что император (имеется в виду Петр I. – *А. И.*) для создания виноградных питомников и производства вина направил в Дербенд майора Туркула, венгра по происхождению, и с тех пор там делают хорошее вино, как белое, так и красное. Издатель добавляет также о невозможности определить, была ли сделана данная заметка самим Гербером или кем-то другим [Гербер 1760, 201].

Дербендская провинция граничила на севере с Гайтагом и отделялась от него рекой Дарбаг. К югу провинция простиралась на 30 верст до реки Самур, а на западе – на 5–8 верст и граничила с Табасараном [Гербер 1760, 201]. Согласно И. Герберу, в шахский период с Дербендского султанства взимался налог на содержание каналов, городских стен и общественных зданий, а также выплаты жалований гражданским чиновникам и военным. Султан получал из шахской казны 5 тысяч туманов, и этой суммой он мог распоряжаться по своему усмотрению. Кроме того, жители Губы и Табасарана обязаны были проходить службу в указанном султаном месте [Гербер 1760, 202].

Автор отмечает, что дербендский наиб (наместник) выбирался из числа знатных людей города. В 1720 году во время восстания в Ширване султан покинул город и отправился в Исфахан,

а в Дербенде остался наиб Имамгулу-бек. Вытесняемый повстанцами, Имамгулу-бек добровольно сдал город Петру I и сохранил должность городского наместника. Ему было присвоено звание генерал-майора [Гербер 1958, 202–203].

И. Гербер сообщает, что дербендцы – мусульмане, приверженцы шиитского мазхаба, говорят на смеси турецкого, татарского и персидского языков (то есть на азербайджанском языке. – *А. И.*): “Жители все магометане, содержат персидской, или Алиев закон и говорят смешанно по Персидски, Турецки и Татарски”. Большинство жителей Дербенда были воинами: “Дербентские жители по большей части все солдаты”. Султанство могло собрать тысячу конников (кавалеристов) и две тысячи пехотинцев. Они получали жалованье, а также владели местами для посевов и держали скот. Самым распространенным занятием было садоводство [Гербер 1760, 203–204]. И. Гербер пишет о преданности и добродетельности дербендцев [Гербер 1760, 204]. В городе было много иранских, грузинских, армянских и индийских купцов и художников. В период российского завоевания в казну не собирались налоги с Дербендской провинции. Лишь с товаров, ввозимых и вывозимых из города, взималась таможенная пошлина, составлявшая за год сумму в более чем 1000 рублей [Гербер 1760, 204].

Автор подчеркивает, что Дербенд состоит из четырех размещенных друг за другом частей. Хотя они окружены единой оградой, между ними имеются стены меньшего размера. Верхний город, или крепость, является самой маленькой частью города и располагается на западе, на склоне гор. Оттуда можно держать под огнем остальные три части города. В период российского завоевания здесь был размещен гарнизон, за исключением которого никому более не позволялось проживать в этой части города [Гербер 1760, 196].

Согласно утверждению И. Гербера, в двух средних частях города жили наместник, купцы и другие. В нижней части города, располагавшейся на морском побережье, никто не проживал [Гербер 1760, 196].

И. Гербер пишет, что, по распространенному среди жителей преданию, город Дербенд основал Александр Македонский. Он не только заложил верхний город, но также и возвел протянувшиеся

к морю северные стены города с целью защиты от проживающих на севере кочевых народов. Южные же стены были построены позже другим правителем. По словам И. Гербера, “камни сей стены” имели “вид, будто из разломанных и вместе составленных раковин сделаны”. Не только городские стены, но также и малые крепости, возведенные на холмах в окрестностях города, были выложены из крупных гладких камней и побелены известью. “Понеже не токмо городовыя стены с башнями но и вне города на вышинах построены малыя крепостцы из таких же великих и обтесанных камней, и обмазаны известью” [Гербер 1760, 197].

Кроме того, И. Гербер выражал восхищение тем, что вода, которая текла из источников с горных вершин, была проведена под землей частично посредством небольших труб, частично – каналов под сводами (большинство каналов не были видны, и место их проведения было неизвестно) [Гербер 1760, 198]. Автор подчеркивал, что в верхнем городе, а также под землей находится много наполненных водой амбаров, которые покрыты таким образом, что внешне не видно наличия в них воды [Гербер 1760, 198].

Далее И. Гербер пишет, что из верхнего города прямо на запад протянулись стены, имеющие башни, и, как говорят жители, в прошлом эти стены якобы протягивались вплоть до Черного моря. В 20-е годы XVIII века все еще невредимой была часть стен длиной почти в две мили, но далее от нее уже шли руины. Жители ежедневно разрушали каменную ограду, забирая себе камни [Гербер 1760, 198].

И. Гербер отмечает, что вокруг города было очень много гробниц с тюркскими, арабскими, персидскими, халдейскими и древними куфическими надписями. Правда, в тот период И. Гербер ошибочно считал куфическую надпись отдельным языком [Гербер 1760, 198], хотя куфическим является вид арабского письма. Он пишет также о том, что после смерти майсума – правителя соседнего с Дербендом Табасарана – дербендский султан утвердил избрание его сына на эту должность [Гербер 1958, 104–105].

В начале XVIII века протяженность города Дербенда составляла 1730 сажень (1 сажень = 2,134 м), а ширина в самом узком месте – 100 сажень [Гербер 1958, 86].

Дербендские султаны являлись также командующими вооруженными силами. И. Гербер пишет, что население Дербенда при

необходимости должно было выставить 600 конников и 1000 пехотинцев. В Дербенде была также рота стражников – гурчи (горчу). Согласно И. Герберу, бойцы в эту роту назначались лишь по указанию шаха. Горчу, считающиеся как бы гвардейцами шаха, снискали себе большое уважение. Эти роты горчу присутствовали лишь в наиболее важных городах Сефевидского государства [Гербер 1958, 85–86].

В другом труде И. Гербера отмечается, что границы Дербендского султанства протянулись от города к северу на 15 верст, к югу до реки Самур – на 30 верст. С моря к западу, в направлении гор, до Табасарана они протянулись на 4–6–8 верст [Гербер 1958, 85]. Автор подчеркивает, что магалы Мюшкюр, Ниязабад, Шабран, Рустов и Бармак подчинялись дербендскому султану. Взимаемые с них налоги расходовались на содержание городских стен, колодцев, общественных зданий [Гербер 1958, 86].

Побывавшие в Баку в начале XVIII века французские миссионеры Маз, Башуд, Флорио и другие писали, что основным богатством Баку является нефть. От нефти, добываемой из скважин, шахская казна ежегодно получала 12 тысяч туманов [Выдержки..., 17].

Нефть добывалась примитивным способом. Ее наливали в бурдюки и затем на лошадях, мулах, верблюдах, а также на судах доставляли в близлежащие и далекие места. Французские миссионеры приводят интересные сведения о нефти и ее очищении: она словно масло добывается вместе с водой из-под земли, однако затем ее отделяют и разливают посредством каналов. Нефть бывает черной и белой. Белая ценится высоко, лучше продается и вывозится за рубеж. Черную же нефть используют на месте. Местные жители сжигают нефть в лампах, зажигая их фитилем толщиной в большой палец [Выдержки..., 14].

Дж. Белл также приводит интересные сведения о бакинской нефти. Он пишет, что вокруг Баку есть много нефтяных источников. Как правило, это черное и очень быстро воспламеняющееся земельное масло. “Персы” (т. е. азербайджанцы. – А. И.) используют нефть для зажигания в лампах. Она не гаснет под дождем, но имеет неприятный запах. Дж. Белл пишет, что видел нефть, прозрачную, как родниковая вода [Белл 1776, 49].

Как справедливо подчеркивал Ф. М. Алиев, поскольку нефть нигде не добывается в прозрачном виде, Дж. Белл, говоря о схожей с родниковой водой нефти, имеет в виду искусственным образом очищенную белую нефть (керосин) [Алиев 1964, 35]. Таким образом, в период, когда в странах Западной Европы еще не было полноценной информации о нефти, в Баку местное население перерабатывало нефть и получало из нее керосин.

Нефтяные и соляные месторождения сдавались в аренду [АКАК, 1077].

Кроме того, на Апшероне высаживали такое редкое растение, как шафран, а также хлопок и выращивали коконы. Это в определенной степени способствовало развитию торговли в городе. Согласно сообщениям, на бакинском рынке продавались сотканые в Баку различные ткани, ковры, паласы и бязь [ГААО, 18].

Другой значимый город Азербайджана – Шамаха – располагался в месте соединения караванных торговых путей, идущих с Востока на Запад. Дж. Белл дает ценные сведения об этом городе. Он, в частности, пишет, что Шамаха располагается на сороковой параллели северной широты. В древности город входил в состав Мидии, а в настоящий момент является столицей крупной провинции под названием Ширван. Город был заложен на южном подножии горы в форме амфитеатра. Шамаха – большой город, однако дома здесь построены плохо, кроме домов наместника, правителя и некоторых богатых купцов. Улицы Шамахи узкие и кривые [Белл 1776, 59]. Дж. Белл пишет о прекрасном климате Шамахи и особо подчеркивает тот факт, что местное население говорит на тюркском языке.

Автор указывает, что торговля в Шамахе ведется, главным образом, шелком-сырцом. Собранный с прилегающих уездов шелк-сырец покупается компаниями, учрежденными англичанами и голландцами в Исфahanе. Значительная его часть отправляется в город Алеппо. В Шамахе продается и хлопок. Местное население само покупает его, чтобы изготавливать из него различные ткани [Белл 1776, 60].

Дж. Белл делится интересными сведениями о том, что в окрестностях города на вершине горы находится одно высокое здание с многочисленными окнами и залами. Каждый день при

восходе и закате солнца здесь проходит концерт с использованием таких музыкальных инструментов, как зурна, нагара и шиповок [Белл 1776, 59–60].

Также Дж. Белл пишет о наличии в Шамахе многочисленных мечетей, широких каравансараев, бань. Сообщает он и о расположении в двух милях к северу от Шамахи горы Гюлистан, крепость на которой совершенно не похожа на другие восточные крепости [Белл 1776, 61].

Согласно сообщению Дж. Белла, выращиваемые вокруг Шамахи пшеница, ячмень, виноград и фрукты привозятся на городской рынок. Проживающие в Шамахе малочисленные христиане готовят из винограда прекрасное вино [Белл 1776, 61].

Французские миссионеры, говоря о роли Шамахи в международной торговле, указывают на то, что это – большой торговый город, место хранения товаров, привозимых из Московии и Ирана. Русские (москвиты) имеют здесь караван-сарай или лавки. Они привозят сюда из своей страны олово, медь, меха и другие товары. Персы и индийцы доставляют в Шамаху шелковые и хлопковые ткани, глазет, зарбафт (шелковая ткань с золотыми узорами) и шелковые нити. Татары продают на Шамахинском рынке коней и рабов [Выдержки..., 24].

Высоко оценивая роль Шамахи в международной торговле, миссионеры отмечали, что этот город является местом встреч тех, кто ведет торговлю с Россией (Московией), Швейцарией и Голландией. Именно поэтому город всегда полон иностранцами [Выдержки..., 24].

К сожалению, между первым и вторым путешествиями Дж. Белла в Шамаху Азербайджан настигла эпидемия чумы. Только в одной Шамахе и ее окрестностях погибло 70 тысяч человек [Лавров 1984, 60]. Несмотря на трудности, переживаемые в тот период, в Шамахе продолжали развиваться ремесло и торговля. В городе работали шелководы, ткачи, медники, шорники, башмачники, рисовальщики, прекрасно выписывающие на бронзе и меди, оружейники и другие ремесленники [Алиев 1964, 39–40].

Другим крупным городом Северного Азербайджана являлась Гянджа. Дж. Белл не дает сведений об этом городе, поскольку он не посещал Гянджи и даже не проезжал близ нее. Однако в путевых заметках других европейских путешественников содержится

достаточно много сведений о Гяндже. Так, побывавший в этом городе французский путешественник Авриль Филип называет Гянджу одним из самых красивых и больших городов Южного Кавказа. Он пишет: "...мы прибыли туда (в Гянджу. – *А. И.*) в середине весны, зелень делала еще более прекрасным вид домов, покрытых бесчисленными цветочными и лиственными деревьями, и я никогда не видел такой чарующей картины" [Avril Phillips, 1]. Корнелий де Брюин отмечал, что Гянджа вчетверо больше Шамахи, большинство домов в ней каменные, двухэтажные, в городе красивые, широкие улицы, прекрасные базары, большие караван-сарай, и указывает на наличие у беглярбека большого дворца. Далее он подчеркивает, что в Гяндже много садов, обилие фруктов, прекрасное вино [Корнелий де Брюин 2009, 23].

Наличие вокруг Гянджи богатых залежей железа, меди, свинца, соли и других полезных ископаемых способствовало развитию ремесла в городе. Изготовленные здесь металлические изделия продавались на внутреннем рынке и вывозились за границу. Гянджа славилась и своим шелком. Из Гянджи, помимо шелка-сырца и шелковых нитей, вывозились также и шелковые ткани. Вследствие того что вокруг города были хлопковые посевы, в Гяндже ткали хлопковые ткани. Однако из-за недостаточно хорошего качества хлопка местные хлопковые ткани не вывозились из города и продавались лишь на внутреннем рынке [Корнелий де Брюин 2009, 7].

На Южном Кавказе располагались также города Нахчыван, Иреван, Лянкяран, Шеки, Губа и другие. Побывавший в Губе в 1718 году А. И. Лопухин писал, что в этом городе 600 домов, отсутствует высокая цитадель. Население признает в качестве хана лишь лицо, происходящее из рода местных правителей [Лопухин 1958, 8]. А. И. Лопухин сообщает о том, что во время посещения им Губы ханом являлся Султан Ахмед, которому на тот момент не исполнилось и 14 лет. У хана было 500 воинов [Лопухин 1958, 8]. Султан Ахмед-хан оказал теплый прием А. И. Лопухину и, отправив к нему своего деверя Руслан-бека, предложил услуги [Лопухин 1958, 7]. Узнав, что А. И. Лопухин везет в Россию слона, хан пожелал увидеть его. А. И. Лопухин исполнил это желание, приведя слона к хану. Посмотрев на слона, хан подарил его надсмотрщику коня стоимостью в 10 рублей [Лопухин 1958, 17].

Самым крупным городом на юге Азербайджана был Тебриз. Благодаря своему выгодному географическому расположению этот город еще с древних времен считался одним из самых значительных торговых центров Ближнего и Среднего Востока. Длительный период Тебриз был центром различных феодальных государств Азербайджана, включая начальный полувековой этап истории государства Сефевидов. После перенесения столицы Сефевидского государства в Исфахан Тебриз продолжал оставаться наиболее крупным центром ремесла и торговли. По численности населения он занимал одно из первых мест в Сефевидском государстве и во всем регионе.

Побывавший в 1717 году в Тебризе А. Волинский пишет, что в городе 36 тысяч домов, построенных из камня и грязи [Журнал... 1929, 17]. Допустив, что в каждом доме проживало по меньшей мере 5 человек, мы можем сказать, что население Тебриза в тот период составляло примерно 180 тысяч человек.

К. Ханвей также подчеркивает, что Тебриз был вторым крупным городом Сефевидского государства. Он сообщает о том, что в результате землетрясения в марте 1721 года погибло свыше 100 тысяч жителей города [Hanway 1754, 114].

Дж. Белл, побывавший в Тебризе в одно время с А. Волинским, пишет, что Тебриз – самый большой город провинции, отличался многочисленностью населения и здесь находилась ханская резиденция. Город, окруженный горой Тавр, располагается в плодородной долине. В Тебризе все еще сохранились признаки величия города – руины древних построек. Согласно Беллу, среди них есть и древнее святилище, превращенное в мечеть. Его потолок поддерживается колоннами из порфира. Некоторые из них имеют зеленый оттенок, а другие – разноцветные с золотистым оттенком. Размеры колонн чрезвычайно точны. Белл признается в испытываемых им трудностях при описании красоты строения. Путешественник выражает восхищение и обилием мрамора [Белл 1776, 68].

Дж. Белл отмечает, что улицы в Тебризе узкие и кривые. Большинство домов построены из сырого кирпича, тогда как дома беглярбека и некоторых высокопоставленных чиновников – из камня и имеют красивый вид. Крыши домов плоские, на пол стелятся ковры и коврики. Колонны в передних дворах

знатных лиц выложены из четырехугольных кирпичей. Сами дворы украшены посаженными здесь различными цветами [Белл 1776, 69].

Дж. Белл пишет о многочисленных тебризских мечетях с красивыми минаретами. Здесь находится и одна высокая башня, в которой, как и в Шамахе, по вечерам и утрам давались концерты. В городе имелось и много караван-сараев. Согласно Дж. Беллу, окрестности города были совершенно открыты, не было оборонительных крепостей и цитаделей [Белл 1776, 70]. Тебриз являлся и важным экономическим центром, что подтверждает сбор доходов в шахскую казну из Тебриза и одновременной провинции в размере 100 тысяч туманов. Российский автор XVIII века М. Чулков отмечает, что тебризский базар, именуемый “Тейсарийе”, то есть шахский базар, был самым большим и богатым в Сефевидском государстве. В свою очередь, в городе действовало 15 тысяч магазинов. По словам М. Чулкова, во всем иранском государстве, включая и Исфахан, не было более богатого и знаменитого торгового города, чем Тебриз. Этот город вел торговлю не только внутри Ирана, но также и с Россией, включая Среднее Поволжье, Османской империей и Индией [Чулков 1785, 600].

Таким образом, мы видим, что труды Дж. Белла и И. Гербера имеют много ценных сведений по социально-экономической истории Азербайджана первой трети XVIII века. Эти сведения позволяют осветить положение и систему управления Дербенда, прояснить роль нефти в экономике Баку и констатировать, что, несмотря на сильнейшие потрясения, пережитые Шамахой, она еще играла роль ремесленного и торгового центра.

ЛИТЕРАТУРА

Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК). Дополнения к I тому.

Алиев Ф. Торговля Азербайджана в первой половине XVIII века (на азерб. яз.). Баку, 1964.

Белл Джон. Белевы путешествия в Россию в разныя асиетския земли: а имянно: в Испогань, в Пекин и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов. Часть первая, Санкт-Петербург, 1776.

Выдержки из *Lettres curieuses et édifiantes...* / Перев. Абезгуз. Научный архив Института истории НАНА, инв. 471.

Гейдаров М. Х. Торговля и торговые связи Азербайджана в позднем средневековье. Баку, 1999.

Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочиненное полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером // **Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих.** 1760.

Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // **История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.** (архивные материалы). Москва, 1958.

Государственный архив Астраханской области, фонд 394, опись 1, дело 539.

Джалалян Е. Х. Краткая история страны Албанской (1702–1722 гг.) / Пер. с древнарм. языка Т. И. Тер-Григоряна; Предисловие и подготовка к изданию акад. З. М. Бунятова. Баку, 1989.

Донесения французского консула в Петербурге Лави и уполномоченного министра при русском дворе Капредона с 1722 г. по 1724 г. от де Кампредона к королю. Петербург, 20 сентября 1723 г. // **СИРИО,** т. 49, д. 380.

Журнал посланника Волынского 1715–1718 гг. В кн.: Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Известия общества обследования и изучения Азербайджана. № 8, вып. IV, Баку, 1929.

Корнелий де Брюин. Извлечения из путешествия Корнелия де Брюина (Перевод с французского Абезгуза). АМЕА Т.İ.Elmi Arxivı, inv. 2009.

Лавров Л. И. Стихийные бедствия на Кавказе до XIX в. // **Кавказский этнографический сборник.** т. VIII, Москва, 1984.

Лопухин А. Журнал путешествий через Дагестан. 1718 г. // **История, география и этнография Дагестана.** Москва, 1958.

Мамедов С. История Азербайджана (XV – первое тридцатилетие XIX века) (на азерб.яз.) Баку, 2002.

Мустафазаде Т. Т. Русско-турецкие отношения в первой трети XVIII века. Баку, 1993.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от прежних времен до ныне

настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. 2, кн. 2, Санкт-Петербург, 1785.

Avril Phillips. Voyage en divers États d'Europe et d'Asie / Перев. с французского С. Ашурбейли. Научный архив Института истории НАНА, инв. 477.

Hanway Conas. An historical account of the Caspian Sea... London, 1754.